А. И. Кирпичников

РОССИЙСКАЯ КОРРУПЦИЯ

Александр Иосифович Кирпичников
Российская коррупция

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283087
Российская коррупция. 3-е изд., испр. и доп.: Издательство «Юридический центр Пресс»; Санкт-Петербург; 2004
ISBN 5-94201-344-6

Аннотация

Эта книга – итог научных и практических изысканий известного питерского юриста. Член Санкт-Петербургской городской коллегии адвокатов, в прошлом следователь по особо важным делам прокуратур Ленинграда и России, он руководил расследованием крупнейших дел о коррупции, привлек к ответственности десятки высокопоставленных чиновников, за что был снят с работы Ленинградским обкомом КПСС и подвергся преследованиям. Его кандидатская диссертация «Взяточничество» стала первым в нашей стране криминологическим исследованием этой язвы российского общества. В работе над этой книгой автор использовал источники права, работы по философии, истории, праву и социологии российских и зарубежных ученых, многочисленные литературные источники, материалы периодической печати, радио и телевидения, архивные уголовные дела, а также случаи из своей многолетней практики. Книга предназначена

для практических работников, студентов, а также всех, интересующихся проблемами экономической преступности.

Содержание

Российская бричка на бездорожье взятки и коррупции 6
Взятка как историческое наследие 43
Гоголевская русь 72
Конец ознакомительного фрагмента. 76

Александр Кирпичников
Российская коррупция

© А. И. Кирпичников, 2004
© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

Российская бричка на бездорожье взятки и коррупции

…Никогда не было государства, которое в той или иной мере не прибегало бы к коррупции как средству управления.
Михаил Бакунин

В нэповской Москве, стряхнувшей с себя ярмо военного коммунизма, молодому литератору Михаилу Булгакову приснился диковинный сон – будто в царстве теней шутник Сатана открыл двери. И зашевелилось царство мертвых, и потянулась из него в Советскую Русь вереница гоголевских персонажей. А самым последним тронулся Павел Иванович Чичиков в знаменитой своей бричке. Уму непостижимо, что он стал вытворять! Основал трест для выделки железа из деревянных опилок и даже ссуду получил. Вошел пайщиком в огромный кооператив и всю Москву накормил колбасой из дохлого мяса. Коробочка, услышав, что теперь все разрешено, пожелала приобрести недвижимость, и он продал ей Манеж…

Давно уже нет Мастера, но что удивительно – диковинные сны его остались с нами, время их не коснулось. И может, уже не во сне видится мне, как на просторы постсоветской Руси вновь выкатилась знаменитая чичиковская бричка, а в

ней все он – Павел Иванович, и покатилась по российскому бездорожью. И опять ждут и радостно встречают его все те же, словно законсервированные в царстве теней, неумирающие гоголевские персонажи. Они точно знают, что все дозволено, и гребут под себя энергично и быстро. Они не обращают внимания на отчаянные газетные заголовки, на голоса с высоких трибун: «Коррупция приобрела размах, реально угрожающий безопасности государства».

Слово «коррупция» нынче самое модное, оно не сходит со страниц газет, его беспрерывно склоняют в радиоэфире и на телеэкране. А ведь еще недавно мы его совсем не употребляли, его нет во многих словарях и энциклопедиях советского периода. В тех же, где оно есть, коррупция определяется как нечто ненашенское – «в буржуазных странах: подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» (Ожегов С. Н. Словарь русского языка. М., 1964). Нас уверяли, что коррупция «характерна для буржуазного государства и общества (подкуп чиновников и общественно-политических деятелей, дача взяток и т. д.)» (Советский энциклопедический словарь. М., 1987). И вдруг обнаружилось, что коррупция не только есть в нашей стране, но родилась вовсе не сегодня, и в Большом энциклопедическом словаре, изданном в последний год существования социалистического государства, в статье о коррупции уже опущено упоминание о буржуазном обществе.

Коррупция – хроническая и неизлечимая болезнь любого

государственного аппарата всех времен и всех народов. Она родилась вместе с государством и может погибнуть только вместе с ним. Коррупция развивается и существует по своим временным и национальным законам (имеется в виду не законодательство, а менталитет нации), и государство, провозглашая как лозунг борьбу с ней, заботится о том, чтобы она не исчезла, потому что использует коррупцию в интересах своего аппарата.

Специфика управленческой деятельности такова, что ею должны заниматься специалисты, выполняющие определенные функции и потому именуемые должностными лицами государственного аппарата, или государственными служащими, или чиновниками. За столетия существования государственного аппарата в России жизнь развела чиновника с теми задачами, ради выполнения которых он и был создан, о чем свидетельствует корень слова «чиновник» – «чин». «Чин – устроенный порядок», – так написано в словаре Даля. Однако «чиновник» давно ассоциируется в сознании народа не только со словами «бюрократ», «крючкотвор», «ярыга», «стрекулист», «ябедник», «крапивное семя», «карманщик», но и со словами «взяточник» и «вор».

Для того чтобы претендовать на участие в управлении страной, государственному служащему надо было обладать определенным чином либо, как в советское время, «входить в номенклатуру».

В России круг государственных служащих впервые был

очерчен в Судебнике Ивана Грозного (1550 г.), и это были: «боярин, или окольничий, или дворецкий, или дьяк». Появление слоя управленцев связано с созданием в Русском государстве XVI века приказов – прообраза будущих министерств. Приказами управляли судьи, им помогали дьяки, опирающиеся в своей работе на штат подьячих. На местах при наместниках и воеводах появились канцелярии, также с дьяками и подьячими. Бюрократия была еще малочисленной – в начале XVII столетия во всех приказах всего 55 дьяков. Даже в конце века, при царствовании Петра, весь штат московских приказов – центральный аппарат – насчитывал менее двух тысяч человек (исключая писцов). Петровская Табель о рангах (1721 г.) отменила распределение мест по крови и знатности и открыла путь к службе представителям низших сословий, позволяя им выслуживать себе дворянство. Действовавшая с небольшими изменениями вплоть до 1917 года, Табель определила круг чиновников в дореволюционной России, и он не был чрезмерным.

Когда на престол вступил Павел I, штат чиновников насчитывал около 17 тысяч человек. Четыре пятых чиновников двух последних классов были выходцами из низших сословий, и почти половина их – потомки приказных допетровской эпохи. Учреждение в 1802 году одиннадцати министерств заложило основы усложнения и роста бюрократической системы, и если при образовании министерств насчитывалось 13,2 тысячи классных чиновников, то к концу цар-

ствования Николая I их было уже 82,3 тысячи. Но все же в достопамятные гоголевские времена, когда Чичиков выехал на российское бездорожье, на 10 тысяч населения приходилось всего 12–13 чиновников, что было значительно меньше, чем в странах Западной Европы.

XX век бюрократический аппарат Российского государства встретил уже полумиллионом чиновников (в том числе 125 тысяч канцелярских служащих), среди них появились и женщины, главным образом в сфере образования. Из каждых 34 грамотных людей один состоял на государственной службе. В городах один чиновник приходился на 60 жителей, а в уездах – на 707. К Первой мировой войне количество чиновников резко увеличилось, только в полиции оно составляло 576 тысяч человек.

Советская власть первоначально отменила все сословные звания и гражданские чины, но при этом непомерно увеличила государственный аппарат. Огосударствление всех сфер экономики и общественной жизни привело к очиновничению культурных слоев общества. Государственными служащими стали не только сотрудники органов власти, из которых раньше и состоял класс чиновников, но и инженеры, врачи, педагоги, ученые и актеры. Партийный аппарат КПСС выполнял функции руководящего звена государственного аппарата, формально к нему не относясь.

Очиновничение потребовало введения новых различий, и были установлены чины и звания, определявшие материаль-

ное положение, благополучие и привилегии служилого класса. Руководящие должности в зависимости от полномочий состояли на особом учете в том или ином партийном органе, и назначаемые на эти должности чиновники входили в номенклатуру райкома, обкома или ЦК КПСС. Так родилась «номенклатура» – привилегированный слой чиновников.

В 1991 году, последнем году существования Советского Союза, госаппарат (без учета КПСС, Министерства обороны, КГБ и МВД) насчитывал 715,9 тысяч служащих. Население России почти вдвое меньше населения бывшего Союза, территория меньше на треть. Казалось бы, что и аппарат должен соответственно уменьшиться. К тому же переход к рыночной экономике, приватизация предприятий и освобождение их от непосредственного государственного руководства, по идее, тоже должны были бы способствовать уменьшению аппарата. Но этого не случилось. В аппарате государственной власти суверенной России после его окончательного формирования в 1993 году оказалось 921,6 тысяч служащих, что на 29 процентов больше, чем было в соответствующем аппарате всего СССР.

Численность личного состава МВД уже в 1996 году превысила совокупную численность союзных МВД и КГБ, приблизившись к полутора миллионам человек, и продолжала расти. Появились новые силовые структуры, такие как Федеральная налоговая полиция, Главное управление охраны и множество других спецслужб, взаимопроникающих друг в

друга и соперничающих между собой.

Наряду с правительственным аппаратом возник аппарат президентский, была создана параллель Белый дом – Кремль (Старая площадь). При Президенте появились не предусмотренные Конституцией, создаваемые и упраздняемые по его воле советы: Совет безопасности, Совет обороны, Президентский совет и т. п. Функции их, как показал опыт, меняются в зависимости от претензий и влияния их руководителя (секретаря). Администрация Президента осуществляет «общее руководство», не отвечая за состояние государственных дел, – нечто вроде привычного ЦК.

Государственная машина, унаследованная от Советов, была приспособлена к особенностям политики и стиля этого строя. В системе органов власти постсоветского режима сохранились, а там, где были разрушены, восстановились советские административно-бюрократические методы управления. Они трансформировались и продолжают движение вспять – от советского коммунистического варианта к более древнему – монархического образца. На местах – всесильные губернаторы и бессильная представительная власть. Верховный Совет, претендовавший на полноту власти, был раздавлен не терпящей конкуренции исполнительной властью, и родившаяся вместо него Государственная дума, как и дореволюционная, преемницей которой объявила себя новая, обладает лишь представительно-совещательными функциями. Президент непосредственно контро-

лирует неподвластные Государственной думе и правительству внешнеполитические и силовые ведомства и многочисленные спецслужбы. Президентская власть напоминает не власть генсека, а, скорее всего, царя.

Многие структуры власти дублируют друг друга. Политику в области окружающей среды осуществляет Министерство природы России, но в то же время аналогичные функции по различным направлениям исполняют такие комитеты, как Роскомзем, Роскомвод, Рослесхоз, Роскомрыболовство, Роскомнедра. Подобная картина наблюдается и в других управленческих сферах. Не считая Минтранса, где имеются соответствующие департаменты, вопросами судоходства занимаются Минэкономики и Минфин, а также комитеты и комиссии в аппаратах Президента, правительства, парламента. Подсчитано, что одиннадцать функций в области управления трудовыми отношениями дублируются министерствами труда, национальностей, экономики, социальной защиты, Федеральной миграционной службой, Федеральной службой занятости, Службой разрешения трудовых конфликтов, Федеральной инспекцией труда. Дублируются функции в сфере государственного управления международной и внешнеэкономической деятельностью, таможенно-тарифного регулирования, экспортного и валютного контроля. Это открывает широчайшие возможности и для обхода закона, и для всевозможных злоупотреблений. Впрочем, и с самой коррупцией борются сразу несколько ведомств: про-

куратура, МВД, ФСБ, Служба внешней разведки, Минюст, ФСНП, ГНС, суды, таможенные органы, а также Совет безопасности – результат известен.

Реорганизации, перестройки и перетряски государственных структур следуют одна за другой. Нынешняя Федеральная служба безопасности после развала СССР несколько раз разделялась, сливалась, опять разъединялась, теряла какие-то функции и подразделения и снова их приобретала, четырежды меняла название – АФБ, МБ, ФСК, ФСБ, а в итоге стала еще менее подконтрольной обществу, чем прежний КГБ.

Особенно подвержены перетряскам ведомства, курирующие экономику. Она в течение нескольких лет сама настолько изменилась, что возникает резонный вопрос: в чем теперь заключаются функции легиона служащих, обеспечивавших при советском режиме выполнение «планов громадье»? Полусотня хозяйственных ведомств по сути выполняет функции отраслевых НИИ, ведь объект управления после приватизации отсутствует. Они заняты оправданием собственного существования путем составления различных программ по выбиванию средств из Минфина. Для сравнения – в США всего семь министерств в области экономики. Недостаток функций и неуверенность в будущем часть чиновников восполняет видимостью деятельности и компенсирует взятками.

Чиновники порождают чиновников, они создают друг для

друга работу, и каждый начальник стремится увеличить число своих подчиненных. В 1995 году после выборов в Федеральное собрание в креслах депутатов Совета Федерации должны были оказаться губернаторы краев и областей, президенты республик и главы органов представительной власти. За шесть месяцев до выборов Аграрный комитет Совета принял рекомендацию о создании девяти аграрных министерств. Господа сенаторы не хотели покидать столицу: девять министров, взвод их заместителей, рота начальников главков и т. д. – это вакансии и для самих депутатов, и для их помощников.

Провинция не отстает от столицы и даже опережает ее: численность администрации во многих городах возросла втрое, сняты ограничения в оплате труда чиновников, огромные средства тратятся на строительство административных зданий и оборудование кабинетов, приобретение престижных иномарок для руководителей. По всей России создаются новые государственные структуры, увеличиваются штаты, вводятся новые должности, чиновники распределяют квоты, льготы и права, раздают лицензии, дают разрешения и рассматривают жалобы.

Что такое государственная служба? В искони сложившемся в российском обществе представлении, как его отразил в «Октябре шестнадцатого» А. И. Солженицын, «это – самая устойчивая из служб и самое выгодное из занятий, если его правильно понимать. Государственная служба это – осыпа-

ющее нас расположение высших лиц и постепенное наше к ним возвышение. Это – поток лестных наград и еще более приятных денег, иногда и сверх жалованья. Если уметь…»

В старой России чиновничество правильно понимало выгоду государственной службы, хотя имело гораздо меньше благ, чем в нынешней. Ни государственных дач, ни казенного транспорта, ни специального медицинского обслуживания, ни путевок в санатории чиновникам не предоставлялось, юбилеи разрешалось праздновать, как говорилось в Уставе о службе, только тех лиц, которые без перерыва управляли одной и той же частью не менее 25 лет, и празднование юбилеев не должно служить поводом к представлению о наградах. Специальные денежные награды, жалуемые лицу, не могли превышать годового оклада.

В новой России оклад чиновника не составляет и половины его официального дохода. У сотрудников министерств и ведомств в конце XX века это всего 30–35 процентов. Помимо оклада чиновники получают всевозможные надбавки – за выслугу лет, классные чины, кроме того, денежное пособие, материальную помощь, путевки по льготным ценам, обслуживание в спецполиклиниках, служебные машины, а самые высокопоставленные – индивидуальную охрану и т. п.

Всевозможными способами чиновники центральных ведомств превращают государственную службу в коммерческую и свои доходы ставят в прямую зависимость от доходов, получаемых ведомством за выполнение им своих функ-

ций. Миллионы долларов выручает Министерство внешних экономических связей за выдачу лицензий и сертификатов, регистрацию иностранных фирм, банков, за продление сроков их деятельности и прочие услуги. Как было установлено проверкой в 1995 году, большую часть годовой выручки МВЭС не перечислило в бюджет, а израсходовало на свой аппарат – некоторые чиновники за год получили по десять окладов в качестве премий, а также щедрую материальную помощь, 300 тысяч долларов США было истрачено на не предусмотренные бюджетом заграничные командировки, тридцать шесть ответственных чиновников стали пользоваться медицинским обслуживанием в престижных и дорогих московских клиниках. Это бы еще ничего, но огромные суммы просто переводились на личные счета высокопоставленных сотрудников: заместителю министра Владимиру Карастину было оплачено приобретение квартиры, другому чиновнику – приобретение гаража, а первому заместителю министра Михаилу Фрадкову оплатили строительство дачного особнячка. Чтобы придать вид законности казнокрадству, был создан фонд социальной защиты работников системы МВЭС, и туда без ведома Минфина руководство министерства перевело из внебюджетных средств сумму, равную нескольким сотням миллионов долларов, а затем почти столько же перевели внешнеторговые объединения.

То же творится в провинции. Вологодский фонд имущества оставлял в своем распоряжении 4 процента выручки от

продажи государственного имущества и в основном тратил эти деньги на зарплату. Для чиновников были установлены надбавки: от 25 до 50 процентов оклада за напряженность работы (!) и за стаж – до 40 процентов. Им оказывалась материальная помощь при уходе в отпуск в размере оклада со всеми надбавками, выдавались деньги на питание, премии к дню рождения от 1 до 15 миллионов и вознаграждение по страховым полисам от 7 до 32 миллионов (в зависимости от должности), возмещались расходы на медикаменты, отпуск составлял 36 рабочих дней, а уходящему на пенсию выдавалось «поощрение» в размере годового заработка. Средняя зарплата чиновников в 1997 году превысила оклад федерального министра и составляла от 6,5 до 10,5 миллиона рублей, а председатель фонда Михаил Безнощенко за четыре месяца получил сумму, равную 68 тысячам долларов, почти как президент США.

Скрытые привилегии номенклатуры противоречат Конституции, но, по советской традиции, им придается вид законных с помощью закрытых нормативных актов, либо они осуществляются через спецкормушки. В советское время столовые и магазины, обслуживающие номенклатуру, отпускали товары по льготным ценам, причем пройти в эти заведения по особым пропускам могли только сами эти чиновники или члены их семей. Нынче эта традиция сохраняется в столовых Государственной думы, Совета Федерации, Белого дома, Кремля. Прокуроров и судей, их жен и чад и лечат

бесплатно и лекарства им отпускают без оплаты. Работникам прокуратуры положено пособие по увольнению в зависимости от стажа: при стаже 20 лет это 20 месячных должностных окладов. Депутаты Государственной думы получают при уходе в отпуск пособие на лечение – двойной оклад. И депутаты, и судьи, и прокуроры, и военнослужащие пользуются правом бесплатного проезда к месту отдыха и обратно, а также дополнительными днями на дорогу. Все они имеют льготы по оплате коммунальных услуг.

Всех категорий льготников и всех льгот в расслоенном и раздробленном обществе не перечесть. Учетом льгот вынуждены заниматься специальные чиновники, но даже они не могут подсчитать доходы чиновников, пользующихся спецкормушками. Привилегии размывают не только доход чиновника, но и грань между законным и незаконным. Это искажает правовое сознание и превращает даже честного человека в коррупционера.

Падший ангел советской номенклатуры Лев Троцкий, уже находясь в изгнании, описал социальное положение государственного аппарата: «У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербуется, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-то особых, ей присущих отношений собственности. Своего права на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скры-

вает свои доходы. Она делает вид, что в качестве особой социальной группы она вообще не существует».

Чиновничество – сословие, которое реально владеет рычагами государственного механизма и лишь в определенной мере позволяет этому механизму исполнять волю государственных мужей и политиков. В каком бы направлении правители ни поворачивали государственный корабль, у чиновника всегда найдется возможность притормозить его ход, а то и вовсе направить по другому курсу. Самовлюбленный и недалекий французский король Людовик XIV когда-то провозгласил: «Государство – это я». Но что бы ни воображали о себе монархи, президенты и диктаторы, государство – это чиновники. Другой монарх – российский император Николай I это понял и, несмотря на свое колоссальное самолюбие, признал, что Россией правит не он, самодержец, а столоначальники. И сегодня у российских граждан нет сомнения, что колоссальное влияние на политику оказывает окружение Президента, и пресса занимается гаданием, кто из помощников, советников и охранников Ельцина приложил руку к тому или иному решению.

Американец Ричард Пайпс, изучая русскую историю с позиции истории европейской, заметил, что Российское государство с самого начала строилось сверху куда в большей мере, чем вырастало снизу. В этом отношении Россия скорее походила не на европейские, а на восточные государства, и народ всегда был лишь объектом приложения вла-

сти. Поэтому в России исключительно велика роль чиновников и его особого отряда – тайной политической полиции. Она выполняет двойную функцию: в какой-то мере защищает граждан друг от друга, а главное – государство от граждан. Эту роль полиции в жизни общества американский историк считает русским изобретением, ставшим впоследствии фундаментальной особенностью и других тоталитарных государств. Однако опора государства на политическую полицию вовсе не русское изобретение, этой функцией наделяли свою самую секретную карательную службу многие европейские государства (итальянские и немецкие княжества, Франция). Но роль политической полиции в российском государственном строительстве, как и в функционировании государственного аппарата, действительно чрезвычайно велика.

Любой правитель имеет дело с уже сложившейся структурой государственного аппарата, и пока он ее ломает и реформирует, аппарат, исподволь или открыто сопротивляясь, искажает и топит любые реформы. Не мог преодолеть сопротивления своего коррумпированного окружения не останавливавшийся перед самыми решительными средствами Петр I, чиновники успешно затормозили реформы Александра II и не дали хода реформам Столыпина, они провалили экономическую реформу Косыгина и энергично препятствовали горбачевской перестройке, они препятствуют созданию свободного рынка, стремясь сохранить контроль над экономикой.

Как говорил один из персонажей Достоевского, «единственно, что в России есть натурального и достигнутого, это администрация».

Чистил и физически уничтожал возникший в ходе революции и в первые послереволюционные годы ленинский аппарат Сталин. Он добился своего: создал новое, послушное его воле сословие партийно-государственных чиновников. Но вождь вряд ли заметил, как он, этот новый класс, выпестованный им из «кухаркиных детей», превратился в самодовлеющую общественную силу, осознавшую свою корпоративную обособленность и при внешней покорности самодержавной воле диктатора умеющую отстаивать собственные интересы. Хрущев в свою очередь очищал партгосаппарат от сталинистов, но не смог с ним справиться. Противостояние первого секретаря ЦК и аппарата кончилось победой бюрократии. Пришедший на смену Хрущеву Брежнев был верным и послушным ее слугой. За что аппарат и баловал своего первого чиновника, жалуя его чинами и званиями, навешивая на него ордена. Не смог преодолеть сопротивления бюрократии и лидер перестройки Горбачев. Чиновники понимали необходимость изменений и были готовы перестроиться, но лишь до определенного предела, не угрожавшего их благополучию. Когда они убедились, что этот предел наступил, то в августе 1991 года подняли мятеж.

В постсоветской России административно-бюрократическая система сохраняется, и пока она в соответствии со сво-

ими властными функциями продолжает делить денежные и сырьевые ресурсы, собственность и власть по-прежнему слиты. Но государственный аппарат, в отличие от прежних времен, в значительной своей части стал материально независим от государства – передел собственности обогатил чиновничество.

Вот несколько примеров. Весной 1996 года в Красноярске был совершен налет на квартиру рядового служащего краевой администрации Валерия Васина. Улов грабителей: 60 тысяч долларов, 50 тысяч немецких марок, 12 миллионов рублей, золотые украшения – одних колец с бриллиантами 50 штук. Все это на сумму, равную 200 миллионам долларов, и, по впечатлению работников милиции, осматривавших квартиру после ограбления, эти деньги не были последними. Получает чиновник в месяц зарплату, равную 160–180 долларам, жена не работает, и чтобы скопить такую сумму, даже если не есть и не пить, человеческой жизни не хватит.

Прокуратура возбудила дело о злоупотреблении должностными полномочиями председателя столичного комитета по труду Валерия Сидорова. Был произведен обыск в его квартире и служебном кабинете. Результаты превзошли все ожидания: 200 тысяч долларов наличными, документы о счетах в зарубежных банках с вкладами на сумму свыше 400 тысяч долларов и мелочь – ювелирные изделия стоимостью 10 тысяч долларов. У чиновника две квартиры в Москве и две в Вене.

У бывшего министра юстиции Валентина Ковалева, уволенного после скандала – появления в прессе и на телеэкране снимков министра в голом виде среди обнаженных девиц в бане солнцевского преступного сообщества, оперативники МВД обнаружили на счетах 250 тысяч долларов, что намного превышает полученную за весь период его службы в министерстве зарплату.

Чиновник может сделать карьеру, добиться приличного материального положения, но обогатиться честным путем он не в силах. За выполнение своих должностных обязанностей государственные служащие получают вознаграждение только от государства (дореволюционный термин «жалованье» отражал это как нельзя лучше) и не имеют права получать никакой доплаты, никакого вознаграждения ни от кого больше.

Вознаграждение со стороны и есть взятка. Она рассматривается как преступление всеми государствами, поскольку подрывает престиж государственной власти и лишает государство уважения его же граждан. Взятка превращает чиновника из слуги государства в прислужника частных интересов. Взяточничество – дача и получение тайного вознаграждения – содержит в себе не только нарушение правовых норм, оно разрушает всю правовую систему государства и предполагает разложение хранителей этой системы – чиновников, обязанных исполнять закон.

Задолго до законодательного запрета взяточничество в

народном сознании разделилось на мздоимство и лихоимство. Мздоимство – это поборы государственного служащего или «благодарность» ему за то, что и без вознаграждения со стороны он обязан делать в силу занимаемой должности. Лихоимство – взятка за злоупотребление чиновником своей властью.

Небольшое вознаграждение от заинтересованного в получении своей частной выгоды лица – а государству может быть причинен колоссальный ущерб! По мнению социологов, наши коррупционеры уступают западным по размерам взяток (впрочем, в последнее время эта ошибка ими исправляется), но ущерб, который они наносят, намного больше. Не более 500 тысяч немецких марок получил от западных фирм за заказ постельного белья для армии генерал Садовников, когда заключил контракт на 10 миллионов марок, заплатив из средств армии за каждый комплект тройную цену. По подсчетам специалистов, суммарные потери от коррупции в России составляют от 10 до 20 миллиардов долларов в год. Даже низший уровень потерь – это больше, чем все вместе взятые расходы государства на здравоохранение, науку, образование, культуру и искусство за любой бюджетный год.

Для многих чиновников государственная служба превратилась в бизнес, и главная цель такой службы – извлечение прибыли. Они «конвертируют» власть в валюту, машины и недвижимость. Чиновники не только без оглядки и стеснения берут взятки, но сами – либо через членов своей се-

мьи, участвуют в деятельности коммерческих предприятий. Отсюда – проникновение представителей мафиозных структур в управленческий аппарат. Они заняли прочные позиции в управлении экономикой, проникли в армию, службы безопасности и правоохранительные органы, депутатский корпус и оказывают колоссальное влияние на дальнейшее формирование аппарата.

Лидеры государства, правительства и парламента в той мере достигают провозглашаемых ими политических целей, в какой эти цели отвечают интересам аппарата. Но не просто аппарата как совокупности чиновников, а коррумпированного чиновничества, чей союз с мафией при становлении капитализма может породить такой ужасный гибрид, аналоги которому надо искать уже не в русской истории, а в истории таких латиноамериканских республик, как Панама или Боливия.

Унаследованный от советского режима государственный аппарат не возглавил реформы в новой России, а оказался внутри реформаторского движения и формируется вместе с ним. Бюрократические институты управления не успевают за быстро меняющейся жизнью, и эту отсталость они пытаются прикрыть умножением своих же пороков: увеличением аппарата, созданием огромного количества безответственных координационных структур – всевозможных комиссий и советов. Изобретательность и энергия, которая расходуется аппаратом на сопротивление любым преобразованиям и

самосохранение, поистине неисчерпаемы.

Когда демократы покусились на власть военно-промышленного комплекса – самой влиятельной силы милитаризированного государства, они проиграли. Аппарат по мере возможности саботировал решения правительства Гайдара, принятые на макроэкономическом уровне, или придавал им политическую окраску и сводил на нет, компрометируя саму идею реформы. Он – посткоммунистический аппарат – сумел мероприятия по снижению уровня инфляции превратить в невыплату зарплаты практически во всех отраслях промышленности и в бюджетной сфере. Даже в возглавляемом им Министерстве экономики Гайдар не смог сократить разбухший штат. Он рос вопреки всем приказам и штатным расписаниям. Если сословие чиновников не удастся превратить в союзника демократических преобразований или хотя бы его нейтрализовать, реформирование России в очередной раз провалится.

Воспитанное тоталитарным режимом чиновничество тоскует по нему и в значительной своей части враждебно относится к реформам. Как правило, чиновники страдают комплексом державности, ненавидят новую власть, завидуют нуворишам, и лишь взятка примиряет их с новой Россией. «Что может быть покладистее, уживчивее и готовнее хорошего, доброго взяточника? – говорил в свое время Салтыков-Щедрин. – Ради возможности стащить лишнюю копеечку он готов ужиться с какой угодно внутренней политикой,

уверовать в какого угодно Бога».

Наблюдение классика верно и в наше время. Летом 1997 года мне довелось комментировать на 36-м канале телевидения выступление чиновника петербургской администрации. Он работает в Госкомимуществе и выразил готовность, при условии сохранения анонимности, рассказать о системе взяток, сопутствующей приватизации государственных предприятий. По его утверждению, на этот шаг его толкнули идейные соображения. Воспитывался он в советской семье, сохранил коммунистические взгляды, но, поступив на службу к «демократической» администрации, не намерен отказываться от возможностей обогащения, которые дает ему новый, хотя и ненавидимый им режим. Он готов его разоблачать, но, пока режим существует, будет поступать по его правилам. Аноним рассказал, что поскольку большую часть стоимости предприятий присваивают директора, то чиновники считают их обязанными делиться с ними и отдавать 20 процентов стоимости акций – или непосредственно акциями или деньгами. И директора идут на это, и выплачивают колоссальные взятки, и все их берут, и берет он сам. Он и его коллеги, хотя и вынуждены соблюдать некоторую осторожность, не боятся разоблачения, так как работают в «стае», системе, где один покрывает другого, а начальство – всех, ведь часть взяток идет руководству в Петербурге и Москве.

В одном из обращений к народам России Президент Ельцин вынужден был признать, что серьезным препятстви-

ем становлению рыночных отношений являются поборы и вымогательство чиновников. Предприниматели, как отечественные, так и иностранные, натыкаются на них и не могут месяцами решить элементарные вопросы. Депутаты в парламенте изобличают в коррупции членов правительства, члены правительства уличают в том же своих противников – депутатов, и правительство и парламент упрекают друг друга в бездействии, обещают принять все меры к искоренению этой опасной и заразной болезни, а средства массовой информации обвиняют в коррумпированности изобличителей.

«Как ни горько об этом говорить, но практически повсеместно процветают воровство, взяточничество и коррупция», – такое откровенное признание сделал в 1996 году мэр Твери Александр Белоусов. Не ошибусь, если скажу, что эти слова мог бы произнести глава любого города, любой области или республики Российской Федерации. В значительной степени это относится и к ним самим. Правда, лидер КПРФ Геннадий Зюганов в связи с избранием в конце того же года новых губернаторов выразил надежду, «что они будут работать на пользу всей страны, а не только пьянствовать, воровать и мародерствовать», однако уверенности в том, что высшие и низшие чиновники будут прежде всего работать на благо своей страны, нет никакой.

Коррупция – общественное явление, понимаемое, однако, по-разному. Каждый вкладывает в него свой смысл, поскольку это зависит от нравственных воззрений, религиоз-

ных взглядов и определенной группы людей, и отдельного человека. Что допустимо для одних, другие рассматривают как проявление коррупции, одни говорят – подарок, другие – взятка. Происходит это потому, что коррупция – такой же элемент культуры, как право и нравственность. По мере естественно-исторического развития общества и государства она меняется, как меняются законы и мораль, и в своих проявлениях несет отпечаток времени. Здесь следует иметь в виду, что культура – не всегда положительное явление. Она – неоднородный, сложный феномен человеческой деятельности и наряду с положительными ценностями создает и отрицательные. К таким отрицательным элементам культуры и относится коррупция. Важнейшим проявлением коррупции является ее масштабность – место, которое она занимает в деятельности властных структур государства, и роль, которая ей отводится как средству управления государством в тот или иной исторический отрезок времени.

В общественном мнении коррупция и взяточничество обычно либо отождествляются, либо, наоборот, воспринимаются как родственные, но различные явления. Но никто, во всяком случае открыто, не возражает против того, что понятие «коррупция» подразумевает и взяточничество, и казнокрадство. Все сходятся в том, что коррупция – это дань, взимаемая государственным аппаратом с общества. И общество в целом, и каждый его член в отдельности выплачивают эту дань чиновникам. Только в отличие от налогов дань идет

не на содержание государственного аппарата, а кладется чиновниками в свой карман. Они используют свое служебное положение во властных структурах для личного обогащения.

Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разлагает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в своих собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости. Чем выше сопротивляемость общества, что определяется прежде всего его нравственными требованиями, тем меньше коррупция влияет на функционирование государственного аппарата.

Коррупция – это и корыстный взаимный зачет услуг, за который расплачивается государство, это и невинный, на первый взгляд, блат. Без него в советские годы было шагу не ступить, да и сейчас он не потерял своего значения. Коррупция включает в себя и такое понятие, как непотизм, то есть покровительство по службе на основе личных связей – раздача должностей, чинов и наград по-родственному. Вспомним Фамусова:

Как станешь представлять к крестишку ли,

к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!

«Родному человечку» власть имущие радели не только в грибоедовские времена, это было в России всегда. Карьера отпрысков и зятьев советских руководителей – Василия Сталина, Юрия Жданова, Алексея Аджубея, Юрия Брежнева и Юрия Чурбанова всем известна.

Коррупция – это и уклонение чиновников от декларирования доходов, а предпринимателей – от уплаты налогов. Подобно коммерческой взятке, уклонение от уплаты налогов вызвано изменившейся экономикой. Налоги – главный источник дохода государства, и сегодня налоговые манипуляции – самый распространенный вид коррупции. Владимир Брынцалов, российский миллиардер, получивший широкую известность тем, что в 1996 году баллотировался в президенты России, по утверждению налоговой службы, скрыл от налогообложения 64 миллиарда рублей. Его предприятие «Ферейн» в том же году недодало только в бюджет Москвы 16 миллиардов рублей. Налоговая полиция заставила «Мединвестбанк», где Брынцалов – председатель совета директоров, внести в бюджет 5 миллиардов рублей. Но привлечь его к ответственности практически невозможно: как депутат Государственной думы он недосягаем.

Для сбора налогов государство создало колоссальную по численности налоговую инспекцию, а для борьбы с уклоня-

ющимися от их уплаты – налоговую полицию, но тем не менее триллионы рублей не доходят до казначейства. Последствия печальны и хорошо известны – невыплата рабочим заработной платы, военнослужащим – довольствия, пенсионерам – пенсий.

Широкое использование коррупционных методов управления во всех сферах экономической и социальной деятельности, в общественной жизни привело к тому, что стало невозможно понять, где просчеты правительства, а где наглое казнокрадство, где объективные экономические трудности, а где беспардонное ограбление населения, где неплатежи по хозяйственным договорам вызваны непоступлением средств, а где стремлением прокручивать удерживаемые деньги.

Корррупция – это феномен политический. Поскольку государство пользуется коррупционными методами управления – насильственные займы, обязательные в сталинское время, реквизиции, лишение населения сбережений, инфляция, невыплата зарплаты без компенсации и другие применяемые властью способы обворовывания людей, коррупция в той или иной мере становится государственной политикой. Такая политическая деятельность государства, как правотворчество, неразрывно связана с коррупцией, ибо включает в себя лоббирование для проталкивания или, наоборот, торможения тех или иных законопроектов – во многих случаях, если не в большинстве, далеко не бескорыстное. Скажем,

в петербургском Законодательном собрании голос депутата стоит от двух до десяти тысяч долларов, в Государственной думе – несравнимо дороже. Подкуп кандидатом в депутаты избирателей тоже, безусловно, коррупция, хотя и в особой форме – подкупается не чиновник, а население.

Наконец, борьба с коррупцией – всегда политика, потому что эта борьба используется не столько для искоренения взяточничества и казнокрадства, сколько для компрометации политических противников и конкурентов, «война компроматов» становится непременным элементом политических игр. Поэтому, исследуя проблему коррупции, нельзя не затронуть вопросов, кажущихся, на первый взгляд, чисто политическими.

Коррупция – это еще и кровь. Потрясшие российское общество убийства общественных деятелей, журналистов, банкиров, унесший множество жизней взрыв на Котляковском кладбище, наконец Чеченская война – все это тесно связано с коррупцией, вызвано борьбой за грязные деньги. Потому преступления и остаются нераскрытыми. Коррупция их покрывает.

Пресса, радио, телевидение внушают населению, что коррупция была испокон веков, что она органически присуща русскому народу и всегда будет с ним. В период эпидемии люди перестают стесняться своей болезни, и больное общество перестало стесняться коррупции. Уголовная этика в посткоммунистическом государстве стала нормой поведе-

ния. Ее не скрывают, ею бравируют. «Брать или не брать – так вопрос сегодня не стоит. Брать, и как можно больше, стало правилом» – это название очерка, напечатанного в «Известиях». «Рабочий пульс страны сегодня измеряется взятками. Берут не ежедневно, а ежечасно», – утверждает другая центральная газета, сохраняющая в заголовке ордена за коммунистическое одурманивание молодежи. Влияние средств массовой информации известно, а уж если они опираются на определенные факты, то придать им характер всеобщности совсем нетрудно, и люди воспринимают коррупцию как обыденное явление повседневной жизни, более того – как ее необходимый элемент.

Некий публицист сравнил коррупцию с аппендиксом: «… удовольствия никакого, а вырезать страшно, потому что часть организма». Что коррупция – часть государственного организма, это верно, это образная перефразировка мысли Бакунина. А вот что удовольствия никакого – с этим, пожалуй, никак нельзя согласиться. Кабы его не было, то «вырезали» бы коррупцию, как вырезают воспалившийся аппендикс. Потому-то все многократные попытки хирургическим путем избавиться от коррупции, которые предпринимались на протяжении веков, не приносили успеха. Разве что заглушали боль на короткий промежуток времени.

Так ли все это? Если так, то почему общество пришло к такой жизни? В какой мере язва коррупции поразила общество, и поддается ли болезнь лечению? И надо ли вообще бо-

роться с коррупцией? Ведь убирать грязь – более эффективно, чем бороться за чистоту. Может быть, надо не создавать бесчисленные комиссии и штабы с бюрократическим аппаратом, апартаментами и «Мерседесами», а просто не мешать профессионалам делать свое дело? Да и законы, может быть, надо издавать прежде всего не в интересах чиновников, а в интересах производства и населения?

Чтобы найти ответы на эти волнующие общество вопросы, нужно заглянуть в прошлое и, по возможности, непредвзято проанализировать настоящее. Должен заранее сказать читателю, что в своих размышлениях я пользуюсь сравнительно-историческим методом и исхожу из того, что исторический процесс в своем спиральном развитии обладает некоторой повторяемостью, обусловленной генетической связью поколений. Она обеспечивает сохранение социальной психологии народа, и перемены в ней всегда отстают от изменений в социально-экономической сфере.

В своих поисках мне пришлось столкнуться с множеством нелицеприятных фактов – такова тема, тут уж ничего не поделаешь. И если придется говорить о неприглядных моментах в биографиях тех или иных известных деятелей прошлого и настоящего, хотелось бы обратить внимание читателя на то, что человек многогранен и биография каждого такого деятеля не исчерпывается отрицательными моментами. Но и умалчивать о них – значит приукрашивать факты и ставить историю на службу идеологии и политике. Тому же, кто хо-

чет видеть отечественную историю если не в розовых тонах, то как сплошное героическое повествование, советую отложить в сторону эту книгу.

Достаточно политиков и писателей, готовых по конъюнктурным соображениям клеймить наше неприглядное настоящее и противопоставлять его прекрасному прошлому – «России, которую мы потеряли». Одни тоскуют по монархии, другие – по Советскому Союзу, третьи причудливо сочетают свою тоску по тому и другому, ибо находят и в старой России, и в СССР имперское и державное начало. Плача по безвозвратно ушедшему прошлому, они считают только себя патриотами и готовы упрекать тех своих, пускай даже великих, соотечественников, кто посмел приоткрыть завесу над неприглядной стороной российской действительности.

Недавний кинорежиссер, а ныне амбициозный политик, депутат Государственной думы Станислав Говорухин коснулся известной характеристики состояния общества, данной Николаем Михайловичем Карамзиным, – «крадут», и бросил историку упрек: «Если Карамзин наблюдает за нами с того света, как он, должно быть, клянет себя за свое былое остроумие. Людям, которых он так ненавидел при жизни, сам дал в руки оружие. Веский аргумент при споре. Слово, сказанное в раздражении, разного рода шаромыжники быстренько превратили в свидетельство эпохи». Впрочем, Карамзина депутат готов простить: все-таки классик и к тому же болезненно переживал неполадки в отечестве. Он уверя-

ет, что только люди, ненавидящие Россию, повторяют: «Всегда воровали». А вот были, дескать, времена, когда не воровали или во всяком случае не так воровали. Не так, как в нынешнее время, разумеется.

Обычный человек просто любит свою родину. Для «патриота» любовь к родине – профессия. «Изо всех спекуляций самая доступная и оттого самая распространенная и пагубная – спекуляция патриотизмом, бойчее всего распродается любовь к родине – во все времена этот товар нарасхват» – это слова крупнейшего русского писателя Виктора Астафьева.

Решительно отвергаю всякую попытку монополизировать любовь к родине. А жулье? Оно всегда найдет себе любое оправдание, социальной психологии известны такие механизмы, как рационализация и нейтрализация, с помощью которых люди нейтрализуют в своем сознании безнравственные и противозаконные поступки и находят оправдание даже самым тяжким преступлениям, и если не слова Карамзина, то найдутся какие-либо другие, ведь в истории можно найти всевозможные примеры. В этой связи не могу не обратиться к другому нашему классику, младшему современнику историка Петру Яковлевичу Чаадаеву. Он считал, что «прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто еще более прекрасное – это любовь к истине». За эту любовь Николай I запретил ему писать и объявил умалишенным. И тогда он написал «Апологию сумасшедшего», и в этой рукописи, оставшейся неизвестной его современникам, мы читаем:

«Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, со склоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если хорошо понимает ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который умудряется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями».

«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Обоснование для приглашения варягов, доведенное до нас из глубины веков Нестором-летописцем, было сформулировано в IX веке, и эта многогранная формула всегда оставалась актуальной для Древней Руси, царской России, Советского Союза и остается таковой для новой России. Не было времен, когда порядок был таков, что не воровали, когда чиновники не занимались поборами. А «так» или «не так» – это понятие относительное. Каждый отрезок истории имеет свои особенности: что кажется незначительным и мелким в одно время, приобретает большое значение в другое. И наоборот.

«Россия в каком-то смысле вся – страна воров, страна преступников… У нас рынок, но это рынок взяточничества: государственные чиновники продают привилегии за взятки» – так характеризует состояние государства и нынешнего общества в своем интервью, данном компьютерному журналу

«Интеллектуальный капитал» в Нью-Йорке осенью 1996 года, претендент на пост главы государства Александр Лебедь.

Но если «За державу обидно», как озаглавил свою книгу Лебедь, если Говорухина, автора книги «Страна воров», оскорбляет сказанное почти два века назад о России слово «крадут», очевидно, что и обида и раздражение носят чисто политический характер и никакого отношения к подлинному патриотизму не имеют. Их задача была наклеить определенный ярлык именно на современную Россию. В стране, действительно, воруют, несомненно, берут взятки. Но никто еще не доказал, что больше, чем в те времена, когда не было гласности. Чиновники всегда, с древнейших времен разворовывали казну и торговали привилегиями. Давно замечено, что коррупция во всех своих видах, в частности воровство и взяточничество, особенно расцветает в периоды всяческих смут, ломок, перестроек, революций, когда во властные структуры проникают представители теневого бизнеса, когда идет передел и перезахват собственности, когда наряду с кризисом и неустойчивостью власти разрушаются старые нравственные ценности и еще не сформировались новые.

По подсчетам английских экспертов, ежегодно в мире на взятки расходуется до 80 миллиардов долларов. Их получают государственные чиновники самых различных уровней, а взяткодателями в основном выступают представители компаний, чаще всего дающих взятки для реализации своих интересов в развивающихся странах. За взятки обеспечивает-

ся заключение выгодных контрактов и проведение нужных экспертиз, создаются препятствия конкурентам для доступа к государственным заказам и т. п. Взяточничество широко распространено не только в развивающихся странах, но и в странах рыночной экономики. Скандалы, связанные с разоблачениями финансовых махинаций, затрагивают всемирно известные корпорации, такие как «Фольксваген», «Опель», «Дженерал Моторс» и «Фиат». Уровень коррупции в Китае, по международным рейтингам, выше, чем в России, близок к российскому этот уровень в Италии, Испании и Турции. Китайская, итальянская и американская мафии мощнее российской. Но почему-то не слышно, чтобы государственные деятели этих стран называли свое отечество страной воров. В России это стало возможным, потому что борьба с коррупцией подменена политической борьбой, а политическая борьба прикрыта видимостью борьбы с коррупцией.

Во все времена в России были люди, честно служившие и государству и народу. К сожалению, их было не так много и они подчас выглядели на общем фоне белыми воронами. Странным казался своим сослуживцам управляющий Санкт-Петербургской таможней Александр Радищев – он не брал взяток; удивлял придворных честностью и правдоискательством сенатор Иван Лопухин; специально в надворные судьи, чтобы судить по закону и совести, пошел будущий декабрист Иван Пущин; примером высокой нравственности для всех юристов по сей день остается Анатолий Федорович

Кони. Честные чиновники, пытавшиеся бороться с коррупцией, служили и в советской системе. Таким был заместитель Генерального прокурора СССР Виктор Васильевич Найденов. В Питере четверть века проработал районным прокурором скрупулезно честный человек Игорь Борисович Горский; в рамках закона служа режиму, он сумел сделать много добра людям. Немало по-настоящему честных людей и в наше нелегкое время.

В своих размышлениях о прошлом и настоящем мы исходим из того, что все кажущиеся очевидными утверждения о коррумпированности общества в большой мере отражают наши пристрастия (прежде всего политические). Наш разум не в состоянии охватить все проявления человеческой деятельности в целом, и, вырывая одно из явлений, он невольно, в соответствии с убеждениями и пристрастиями, искажает его. Я приглашаю читателя в путешествие во времени на российской бричке по бездорожью взяточничества и коррупции. Это – путешествие в историю и в настоящее. Путь нелегок, часто мучителен – впереди идеологические ухабы и ямы. Потому неизбежны поломки и падения. Но чем лучше мы будем знать прошлое, тем более верными будут наши представления о настоящем, тем надежнее мы сможем судить и о будущем.

Взятка как историческое наследие

Искони веков, от Рюрика до наших дней, богата была Русь взяточниками.
Н. Г. Чернышевский

Взятка известна всем государствам. Ее корни уходят в глубь веков. О взяточничестве судей говорится и в Моисеевом законодательстве, и в знаменитых XII таблицах Древнего Рима. Не могла остаться в стороне и Русь.

Взятка – явление не только древнейшее, как проституция, но такое же непременное и вечное. И, как каждое вечное, она носит одежду своей эпохи и меняет ее, когда приходят новые времена.

Еще в Древней Руси опухоль взятки начала разъедать быт и нравственность народа. Княжеская власть следовала примеру Византии. Там чиновникам не платили жалованья – их услуги оплачивали подданные империи, император предпочитал содержать своих наместников за счет населения. И на Руси власть, не имея средств на содержание воевод, судей и их помощников на местах, давала им возможность кормиться за счет подвластного населения. Следы такого порядка сохранила пространная «Русская Правда», где определены размеры корма вирнику (сборщику виры – денежного штрафа за убийство) с отроком (слугой): по две куры на день, а в

среду и пятницу – по сыру, по семь хлебов в неделю, пшена и гороху – по семь уборков, соли – семь голважен и семь ведер солоду. В других случаях древний закон определяет: «а хлеба и пшена по скольку могут ясти» или «а корму им имати себе и конем довольно». Уже с древнейших времен такой корм выплачивался как повинность, но княжеским чиновникам нужен был не корм, а деньги. Должность стали рассматривать как доходную статью.

Летопись XIII века сообщает, что, когда митрополит Кирилл покинул разоренный монгольским войском Киев и отправился на север во Владимир, он, «проходя грады и веси, по обычаю своему учаше, наказуяше, исправляше», везде проповедовал против «мздоимства, чародейства и пьянства». Это первое известное нравственное осуждение взятки. В 1262 году сербский архиепископ Савва прислал митрополиту Кириллу византийский сборник православных канонов – Кормчую книгу, которую он сам перевел с греческого. Кирилл включил туда положение о том, что священников, дьяконов и игуменов запрещается ставить «на мзде», и в 1274 году Кормчая книга была принята на Владимирском соборе как источник права русской церкви. А в своде законов Псковской феодальной республики – Псковской судной грамоте (XIV в.) княжескому суду предписывается «кунами (мехами. – *А. К.*) не корыстоваться».

Через двести лет после проповедей митрополита Кирилла ограничение на взятки ввел Великий князь Московский

Иван III. В принятом в 1497 году своде законов – Судебнике предписывалось «посулов боярам, окольничим и дьякам от суду и от печалования не имати никому» и чтобы «ищея и ответчик судиям и приставам посула не сулили в суду». Об этом было велено «покликать по торгам во всех городах Московской и Новгородской земли».

В 1547 году его юный внук Иван IV провозгласил себя царем и на Лобном месте объявил московскому народу, что все обиды, разорение и тяжкие налоги произошли от неправедного боярского лихоимства и непомерного сребролюбия. Сребролюбие было прямым – в посланиях к князю Андрею Курбскому царь вспоминал, что во время его малолетства и боярского правления бояре растаскивали из дворца серебряную посуду, часть ее оказалась у князя Ивана Шуйского с перечеканенными вензелями.

Еще в период боярского правления жителям городов и сел разрешили самим ловить, судить и казнить воров и разбойников. Общины начали получать откупные грамоты, дававшие им право избирать из своей среды старост и судей. С предоставлением общинам права собственного суда особым царским указом была установлена ответственность выборных судей. Сразу же взятка стала тяжким преступлением, караемым смертной казнью и конфискацией имущества. «А учнут те выборные старосты и целовальники судить непрямо… и посулы и поминки имати и нашего царского и земского дела по нашему крестному целованию не учнут бере-

чи и править не по нашему уложению… и тех судей и целовальников казнить смертной казнию без отпросу, а животы (имущество. – *А. К.*) их и статки (наворованное. – *А. К.*) взяти и раздати истцам, а достал (остатки. – *А. К.*) тем людям, кто их доведет».

В 1550 году был принят новый Судебник. В отличие от прежнего, великокняжеского Судебник Ивана Грозного не только запрещал судьям брать посулы, но устанавливал, что если судья возьмет посул и обвинит кого-то несправедливо, то на судью возлагается уплата иска, царских пошлин втрое, а пени, как государь укажет. Дьяку, если за посул дело запишет не по суду, угрожала тюрьма, подьячему – кнут. Иван Грозный повелел дьяка, принявшего, помимо обычных взяток, начиненного монетами жареного гуся, вывести на торговую площадь. Царь спросил у палачей, кто умеет разрезать гуся, и приказал сначала отрубить у дьяка ноги по половину икр, потом руки выше локтя и при этом спрашивал: «Вкусно ли гусиное мясо?» – и, наконец, отрубить голову. Эта была первая казнь в России за взятку. Не предусмотрена она была Судебником и не имела цели прекратить поборы, а нужна была, по мнению посланника британской королевы Елизаветы Джильса Флетчера, для другого – снять ответственность за притеснения народа с самого царя.

В 1555 году Иван Грозный издал указ об отмене кормления. Указ применялся не сразу и не повсеместно, и кормление продолжало существовать как средство содержания го-

сударевых служащих в городах. Но чтобы воеводы, судьи и дьяки чрезмерно не обогатились и не закрепились у власти в провинции, их назначение ограничивалось определенным сроком, обычно это был год. Для воеводы назначение на двухгодичный срок было знаком исключительного царского доверия. Кормление не только позволяло содержать государевых служащих, но и пополнять казну. Москва не препятствовала насилиям и поборам своих наместников до окончания их службы. А чтобы возвращающиеся из далеких уральских и сибирских мест «откормленные» воеводы не оставили себе слишком много, в конце XVI и XVII веке на трактах выставлялись заставы, стрельцы без стеснения обыскивали воеводские подводы и изымали в пользу казны все, что считали излишками. Некоторых государевых слуг потом ставили на правеж (на дыбу или под кнут) и вымучивали из них всю или большую часть добычи.

Иностранцы, пребывавшие в Москве в царствование Бориса Годунова, рассказывают о том, что если судья был уличен во взятках, то должен был возвратить взятое, заплатить крупный штраф, а имение его отбиралось в казну. Если уличали дьяка, то ему на шею вешали мешок со взяткой, будь то деньги, или мех, или рыба, возили по городу и секли, а потом отправляли в ссылку. Но иностранные наблюдатели отмечали, что взяточничество от этих суровых мер не уменьшилось, только взяточники стали более осторожными: во избежание подозрения просили прикреплять подарок к образу

в доме, или на Пасху при христосовании судьям всовывали деньги вместе с яйцами.

В начале царствования второго Романова колоссальным влиянием на молодого царя обладал его воспитатель, боярин Борис Морозов. От имени Алексея Михайловича он управлял государством. Чтобы упрочить свое влияние на царя, он женил его на дочери дворянина Ильи Даниловича Милославского, а сам женился на ее сестре. Милославский стал боярином, для него были построены палаты в Кремле рядом с царским дворцом. Новое положение открыло царскому тестю путь к обогащению через взятки. Было придумано множество препятствий для торговли, и кто приносил боярину наибольшую мзду, тот и получал от него грамоту с разрешением. Можно сказать, что Милославский был первооткрывателем золотой жилы – «взятки за лицензию». На ключевые посты царев тесть стал выдвигать своих родственников. Все они были людьми небогатыми и жадными, а наипростейший путь к обогащению – взятки и воровство.

Особенно отличался на этом поприще глава Земского приказа Леонтий Плещеев, возведенный в чин окольничего. В ведении приказа были «московские разбойные, и татиные, и всякие воровские приводные дела». Плещеев, верша суд, превратил его в инструмент самого наглого вымогательства, и приказ стал, как бы сказали теперь, «мафиозной конторой» под крышей государственного ведомства. Судья не удовлетворялся принятыми подарками, но вытягивал из тя-

жущихся все, что можно и нельзя взять, и делал их нищими. Для этого он завел целую шайку доносчиков, они выведывали состоятельных людей и подавали ложные доносы, обвиняя их либо в воровстве, либо в убийстве, либо в каком-нибудь другом преступлении. Обвиненных таким образом людей Плещеев отправлял в темницу, там их держали часто по нескольку месяцев, пока его слуги не выторговывали у родных и друзей несчастного деньги за освобождение. Только после уплаты взятки Плещеев освобождал свои жертвы.

Шурин Плещеева, Петр Траханиотов был также возведен в окольничие и поставлен во главе Пушкарского приказа. Под его управлением находились стрельцы, оружейники, приставы, и он подолгу задерживал выплату им ежемесячного жалованья, а потом отдавал половину или того меньше, заставляя расписываться за полную сумму.

Жалобы на окольничих много раз подавались царю, но всякое челобитье разрешали либо Морозов, либо Милославский, и управы на лиходеев народ найти не мог. Тогда в народе порешили самим просить царя о справедливости. Москвичи стали собираться у церквей, и 25 мая 1648 года возвращавшегося из Троице-Сергиевой лавры царя остановила толпа, конь был схвачен за узду, поднялся крик, требовали, чтобы царь выслушал народ, жаловались на Плещеева и Траханиотова, просили их сместить. Царь испугался и обещал учинить правый суд, но подручные Плещеева бросились на тех, кто выступал с жалобами, и стали их избивать плетьми.

Толпа пришла в неистовство, в дело пошли камни, и народ следом за царем ворвался в Кремль. Стрельцы с трудом удержали толпу от вторжения во дворец. Взбунтовавшиеся москвичи требовали выдачи Плещеева, Траханиотова и боярина Морозова. Толпа ворвалась в их дома, а также в дома многих бояр, разграбила и переломала имущество. Не найдя скрывшегося Морозова, убили его слугу.

Мятеж продолжался и на следующий день, народ требовал казни ненавистных ему чиновников. Уговоры не помогли, и во дворце решили пожертвовать Плещеевым. Его вывели из Кремля в сопровождении палача. Но палачу не дали исполнить казнь: толпа вырвала у стрельцов вымогателя, его забили насмерть и палками размозжили голову. С убитого сорвали одежду и обнаженное тело волоком потащили по площади с криками: «Вот так угощают плутов и воров!» Ненависть была столь велика, что мертвеца затоптали в грязь, а голову отрубили.

На третий день мятежа царь, чтобы спасти Морозова, решил принести в жертву и Траханиотова. Стольник князь Петр Пожарский был послан отыскать окольничего и казнить. Траханиотов успел бежать из Москвы, но его разыскали и схватили в Сергиевом Посаде. Чтобы угодить толпе, ему надели колодку и водили по Москве, а потом отрубили голову. В центре столицы после полудня начались пожары, погорели Дмитровка, Петровка, Тверская, Никитская, Арбат, немало людей погибло от огня и дыма, многие опились ви-

ном из разгромленных кабаков. Пожар стих только к вечеру, когда обезображенное тело Плещеева было брошено в пламя горевшего царева кабака, словно огонь, как языческий бог, только и ждал этого жертвоприношения.

Царь и его тесть Милославский всячески старались ублажить москвичей, стрельцов угощали вином и медом. Алексей Михайлович воспользовался крестным ходом и обратился к народу с речью: «Очень я жалел, узнавши о бесчинствах Плещеева и Траханиотова, сделанных моим именем, но против моей воли; на их места теперь определены люди честные и приятные народу, которые будут чинить расправу без посулов и всем одинаково, за чем я сам буду строго смотреть». Народу были обещаны и другие милости, и царю удалось спасти боярина Морозова.

Московский мятеж 1648 года – единственное в российской истории восстание народа против коррупции и коррупционеров. Этот уникальный бунт закончился народной победой, и верховная власть единственный раз признала свою неправоту и правоту народа. Мятеж оказал непосредственное влияние на принятое в следующем году Соборное уложение, которое действовало более двух веков. В нем был закреплен запрет на посулы судьям. При неправом суде за взятку пострадавшая сторона могла обратить иск против судьи, причем в тройном размере. В этом случае с судьи взыскивались судебные пошлины, пересуд и правый десяток (пошлина с оправданной стороны), которые шли в пользу

казны. За принятие посулов судьи должны были сниматься с должностей, думные чины «лишаться чести», а недумные подвергаться «торговой казни».

Уложение наложило запрет на взяточничество не только в суде, но и за нарушение воинской обязанности. Так, если боярин или воевода отпускал ратных людей со службы без царского указа за взятки, то по слову государя он подвергался жестокому наказанию.

В разделе о государевой чести и государевом дворе в Уложении 1649 года указаны разные случаи заговоров против государя, измен и бесчинств. С этой поры узакониваются донос об измене и угроза казнью за недонесение о каком-либо заговоре против царя. Психология доносительства получила правовое основание и оказала колоссальное отрицательное влияние на нравственное состояние общества, послужила одной из основ коррупции, поскольку донос в российском тоталитарном обществе всегда служил важнейшим орудием вымогательства.

Законодательный запрет не мог, разумеется, прекратить взяточничество. В 1654 году Алексей Михайлович издает указ, в котором говорится, что князь Кропоткин вместе с дьяком Семеновым взял с гороховлян (дворян из города Гороховца) за неприписку их к Москве для несения службы 150 рублей. За это царь повелел в Разрядной книге записать, что князь – вор и посульник, а дьяка бить кнутом по торгам. Из указа 1663 года узнаем, что сибирский воевода Василий

Голохвастов в своеобразной форме продолжил дело Плещеева. Он отдал «блудных жен» на откуп в корчму, и им велено было наговаривать на своих клиентов – проезжих купцов. Несчастных посетителей дома терпимости, обвиненных в воровстве и разбое, ждала тюрьма. А оттуда был только один путь на свободу – дать выкуп воеводе.

Яростную борьбу со взяточничеством начал Петр I. Указом 1714 года было запрещено получение любого рода взяток и установлено, что взяточник должен быть «весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован и из числа добрых людей низвергнут или смертью казнен». Чтобы никто из служащих не мог отговориться незнанием указа, царь повелел объявить его всем чиновникам под расписку и отбирать ее с каждого вновь принимаемого на государственную службу, а для сведения народа прибить на торгах печатные объявления.

Через несколько дней после учреждения Сената царь ввел должности фискалов, в обязанности которых вменил «над всеми делами тайно подсматривать», проведывая и изобличая на суде «всякие преступления, взятки, кражу казны и прочее». При Сенате была введена должность обер-фискала, и он действовал с помощью раскинутой по всем областям и ведомствам сети фискалов. Но никакая тайная полиция не могла удержать от поборов и мелких чиновников, и сановитых, и само окружение императора. Суровые меры не помогали. Александр Меншиков, самый близкий спо-

движник императора, обласканный им непомерно, сделанный из пирожников герцогом Ижорским и светлейшим князем, был наипервейшим казнокрадом и взяточником. Как сказал о нем историк Василий Осипович Ключевский, Меншиков был «отважный мастер брать, красть и подчас лгать, не умевший очистить себя даже от репутации фальшивого монетчика». Он окружал себя такими же хищниками, каким был сам, и те обогащались за счет казны и взяток и обогащали своего ненасытного патрона.

Крупный скандал возник в связи с воровством на подрядах для армии. Помимо самого «светлейшего» в нем оказались замешанными именитые вельможи – и сухопутный генерал-адмирал граф Ф. М. Апраксин, и канцлер граф Г. И. Головкин, и еще многие. По результатам расследования на самого Меншикова был наложен денежный начет – около 145 тысяч рублей (которые он так и не внес), Апраксин и Головкин отделались испугом – конфискацией прибыли, а петербургского вице-губернатора Якова Корсакова и двух сенаторов – князя Григория Волконского и Опухтина публично высекли в Сенате кнутом.

В 1720 году Берг-коллегия направила на Урал гвардейского капитана Василия Никитича Татищева. Он был послан для того, чтобы «в Сибирской губернии, на Кунгуре и в прочих местах, где отыщутся удобные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». Энергичные меры Татищева по открытию новых заводов (один из них на реке Исети поло-

жил начало Екатеринбургу), сбережению лесов и основанию двух горных школ вызвали недовольство могущественного клана Демидовых. Никита и Акинфий Демидовы – уральские горнозаводчики – пользовались покровительством самого Петра и были полновластными хозяевами обширного уральского края. В казенных заводах они видели конкурентов своим частным, а в Татищеве усмотрели соперника своей безраздельной власти. Попытки подкупить Татищева не удались, и тогда Демидовы обвинили его в получении взяток.

Слушание затянувшегося дела Татищева состоялось в Сенате в 1723 году. Было решено: за то, что Демидов «дерзнул Его Величество в неправом своем деле словесным прошением утруждать», взыскать с него штраф – 30 тысяч рублей. Тут горнозаводчикам не смог помочь даже сам Меншиков, боявшийся расследования дела об изготовлении фальшивой монеты на Невьянском заводе, ибо при дворе было известно, что он покрыл фальшивомонетчиков. Впрочем, Петр смягчил наказание и скостил штраф до 6 тысяч в пользу Татищева «за оболгание». Но и эта сумма была настолько велика, что превысила – и намного – жалованье, которое получил Татищев за все годы службы. Для Демидовых же эта сумма была ничтожной, и своей цели они достигли: Татищев был отозван с Урала.

Многолетнее следствие сумело изобличить в казнокрадстве и взяточничестве сибирского губернатора, князя Матвея Гагарина. Среди прочего его обвиняли в получении взя-

ток за отдачу на откуп «винной и пивной продажи». Сенат приговорил Гагарина к смерти, и Петр утвердил приговор. Сам князь во всем повинился. Он писал царю в просьбе о помиловании: «…И я, раб Ваш, приношу вину пред Вашим Величеством, яко пред самим Богом, что правил Сибирскою губерниею и делал многие дела просто непорядочно и не приказным поведением, також многие подносы и подарки в почесть и от дел принимал и раздачи иные чинил, что и не подлежало, и в том погрешил пред Вашим Величеством…» 16 марта 1721 года губернатор был повешен перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии царя, всего двора и своих родственников. Спустя некоторое время виселицу перенесли на площадь перед Биржей и в ноябре с помощью железных цепей останки укрепили на виселице. Так Петр устрашал.

Но жестокость не смогла пересилить корысть, и в январе 1724 года был в свою очередь уличен во взяточничестве рьяный изобличитель сибирского губернатора обер-фискал Алексей Нестеров. Его приговорили к наиболее жестокой казни – колесованию. Подобно Ивану Грозному, Петр любил устраивать пышные устрашающие спектакли. Под высокой виселицей, где еще недавно висело тело князя Гагарина, соорудили эшафот – помост и сзади четыре высоких шеста с колесами, спицы которых были обиты железом. Шесты предназначались для отрубленных голов. Приказным и канцелярским чиновникам было велено присутствовать при казни.

Сам царь с окружением наблюдал за казнью из окна Ревизион-коллегии. Сначала отрубили головы трем фискалам, а затем палачи взялись за обер-фискала. Нестерову поочередно раздробили сперва одну руку, затем ногу, потом другую руку и ногу. К нему подошел священник и стал уговаривать сознаться, обещая от имени государя милость – немедленно, без дальнейших мучений, отрубить голову. Но Нестеров ответил, что все сказал, тогда его поволокли по помосту туда, где были отрублены головы трем фискалам, и положили лицом в их кровь. Заставив испытать весь возможный набор мучительства, только после этого обезглавили.

В ноябре 1724 года по приказу Петра I были арестованы фаворит императрицы Екатерины Виллим Монс, незадолго до того пожалованный в камергеры, и его сестра, статс-дама Матрена Балк. Об отношениях императрицы с камергером и его влиянии на государственные и частные дела хорошо знали при дворе, до поры до времени не знал сам Петр. Но «доброжелатель» всегда найдется, и царь получил анонимный донос о близости императрицы с фаворитом. Не доверяя никому секретного дела, затрагивающего его лично, Петр сам допрашивал Монса. Формальное обвинение во взяточничестве скрыло преступление совсем иного рода. Суд из девяти назначенных Петром судей вынес приговор, где было записано, что «…преступления учинил Монс в своей должности, понеже он над всеми вотчинами Ее Величества и над всем управлением командиром был… А так как Монс по де-

лу явился во многих взятках и вступал за оные в дела, не принадлежащие ему, и за вышеописанные его вины мы согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а именье его, движимое и недвижимое, взять на Его Императорское Величество». Петр утвердил приговор. Монсу отрубили голову на эшафоте, воздвигнутом на Троицкой площади, и водрузили ее на высокий шест. При дворе толковали, что, если б Монс был уличен только во взятках, его бы не постигла смертная казнь.

У обезглавленного тела брата выслушала приговор перепуганная и униженная сестра фаворита: «Матрена Балкова! Понеже ты вступала в дела, которые делала через своего брата Виллима Монса при дворе Его Императорского Величества, непристойные ему, и за то брала великие взятки, и за оные твои вины указал Его Императорское Величество: бить тебя кнутом и сослать в Тобольск на вечное житие». Пять ударов кнутом по обнаженной, вздрагивающей то ли от холода, то ли от страха женской спине, а через неделю Матрену Балк усадили в сани и под конвоем трех солдат повезли в Сибирь. Труп Монса с неделю лежал на эшафоте, а когда помост стали ломать, выволокли догнивать в особо устроенное колесо. На столбах, поставленных у эшафота, в день казни были прибиты «росписи взяткам». Роспись самого Монса не сохранилась, но до нас дошла роспись Матрены Балк:

«1. С Еремея Меера – 300 червонных.

2. С Любсовой жены – парчу на кафтан да штоф

шелковый на самар.

3. С Льва Измайлова – три косяка камки да 10 ф. чаю.

4. С царевны Прасковьи Ивановны – 500 рублей, да кусок полотна варандафского, да всякие столовые запасы.

5. С князя Алексея Долгорукова – 6 лошадей да коляску.

6. С Петра Салтыкова – возок.

7. С светлейшего князя (Меншикова. – *А.К.*) – перстень золотой, муки 50 четвертей, да с княгини его ленту, шитую золотом…»

В росписи – 23 позиции и среди тех, кто давал взятки, – имена князей Долгоруких, Голицыных, Черкасских, Гагарина, графа Головкина, баронессы Шафировой, Артемия Волынского и других важных и менее важных персон. Перед сердечным другом Екатерины и его сестрой заискивали и прежняя боярская знать, и новые вельможи, и родственники императора.

Монс добился такой благосклонности царицы, которая была старше его на четырнадцать лет, и имел на нее такое влияние, что «всякий, – писал в своем донесении австрийский посол граф Рабутин, – кто обращался к нему с подарками, мог быть уверен в исходатайствовании ему милости у императрицы». Сам гордый Меншиков, любимец Петра, но обвиненный в казнокрадстве и разных злоупотреблениях, настолько крупных, что даже он попал в опалу, опасаясь худшего, поспешил за помощью к вошедшему в силу камер-

геру государыни: подарил ему лошадь с полным убранством, устроил в своем доме свадьбу его племянника Петра Балка и, крайне скупой, угощал за свой счет многочисленных гостей. Издержки даром не пропали: Монс похлопотал за «светлейшего» перед Екатериной. А императрица неотступно просила мужа о прощении опального князя, и царь уступил. Пригрозив, если не исправится, лишить его головы, он простил своего любимца.

Вечером в день казни Петр прокатил Екатерину мимо шеста с посаженной на него головой казненного. И, как гласит легенда, государыня без смущения сказала супругу: «Как грустно, что у придворных столько испорченностей». Когда голова Монса была снята с шеста, Петр приказал положить ее в спирт и поставить на ночной столик в спальне императрицы.

Глубокий мыслитель и большой поэт Максимилиан Волошин в поэме «Россия» точно и сжато отобразил ход движения российской истории от прошлого к настоящему. Небольшие выдержки из нее, как бы иллюстрирующие повествование, приведу здесь и далее:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка.

В последний год жизни Петр внимательно следил за делами о казнокрадстве, и тучи снова сгустились даже, казалось, над непотопляемым Меншиковым. По мнению столичных иноземцев, проживи Петр еще несколько месяцев, и мир услыхал бы о многих и великих казнях. Но самодержавная власть досталась Екатерине. Дочь литовского крестьянина и жена шведского солдата, взятая в плен при штурме русской армией Мариенбурга, сделала необыкновенную карьеру, превратившись из служанки Марты Скавронской в императрицу Екатерину Алексеевну. Неграмотная Екатерина встала во главе России задолго до ленинского призыва кухарок к управлению государством. Милого сердцу фаворита ей было уже не вернуть, но за его сестрой гонец поскакал, когда Петр еще не был похоронен. Матрена Балк не успела доехать до Сибири, она была возвращена с половины пути. Ее будущее благополучие и карьера детей были обеспечены: всех их осыпали наградами и чинами.

После смерти сурового властителя «птенцы гнезда Петрова» полностью освободились от страха:

Зажатое в державном кулаке
Зверье Петра кидается на волю:
Царица из солдатских портомой,
Волк Меншиков, стервятник Ягужинский,
Лиса Толстой, куница Остерман —
Клыками рвут российское наследство.

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте все…» Судьба же дописала:
«…распутным бабам с хахалями их».
……..
Пять женщин распухают телесами
На целый век в длину и ширину.
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.

Ключевский заклеймил правителей послепетровской России:

«…Когда в лице Екатерины I на престоле явился фетиш власти, они почувствовали себя самими собой и трезвенно взглянули на свои взаимные отношения, как и на свое положение в управляемой стране: они возненавидели друг друга, как старые друзья, и принялись торговать Россией, как своей добычей. Никакого важного дела нельзя было сделать, не дав им взятки; всем им установилась точная расценка с условием, чтобы никто из них не знал, сколько перепадало другому. Это были истые дети воспитавшего их фискально-полицейского государства с его произволом, с его презрением к законности и человеческой личности, с притуплением нравственного чувства».

Если не знать конкретного адреса этой характеристики, то можно отнести ее к правителям посткоммунистической России, детям воспитавшего их советского военно-полицей-

ского государства.

С воцарением Екатерины I началась эпоха фаворитизма, захватившая весь XVIII век. Управление государством сосредоточилось в руках менявшихся любимцев самодержца. Все временщики – Меншиков, Долгорукие, Бирон, Шуваловы, а также Орловы, Потемкин, Зубов и другие многочисленные любовники Екатерины II, завершившей царство женщин на российском престоле, смотрели на казну, как на собственный карман, грабили ее без стеснения и принимали щедрые подарки от многочисленных просителей и искателей.

Меншиков, обласканный еще Петром непомерно, при Екатерине I стал полновластным хозяином страны. Он наворовал и набрал столько, что это не может присниться даже самым наглым нынешним генералам. Его владения превышали территорию иных европейских государств и находились не только в Российской империи: он имел значительные земли в Ливонии, прусский король пожаловал ему округ Рюген, а император Священной Римской империи Карл VI – княжество Козельское в Силезии. Когда в 1728 году Петр II отправил его в ссылку, у него было отобрано 90 тысяч крестьян, города Ораниенбаум, Копорье, Раненбург, Ямбург, Почеп и Батурин, 13 миллионов рублей, из которых 9 миллионов находились в иностранных банках (уже тогда нувориши вывозили капитал за границу), 200 пудов золотой и серебряной посуды, бриллианты, недвижимость и многое другое. В наши дни это оценивалось бы миллиардами долларов.

Финансовое положение России, крайне напряженное при Петре, превратилось в катастрофическое при его преемниках. Насилие над страной и ее народом только ради собственной выгоды и удовольствия стало нормой при беспутном малолетке Петре II и Анне Иоанновне с ее возлюбленным – Бироном.

Всесильный фаворит Анны Иоанновны Эрнест Иоганн Бирон, волей императрицы ставший герцогом Курляндским, вывез в Курляндию колоссальные деньги на строительство двух дворцов, скорее королевских, чем герцогских. Бирон практически был самодержавным правителем России и распоряжался ресурсами страны в своих интересах. Много миллионов было затрачено на покупку бриллиантов и других драгоценных камней для семейства Бирона. Как засвидетельствовал в своих мемуарах фельдмаршал Миних, не было в Европе королевы, которая имела бы столько драгоценностей, сколькими обладала герцогиня Курляндская.

Мнение фаворита было решающим в государственных делах, и даже ближайший родственник императрицы Анны Иоанновны – главнокомандующий Москвы граф Семен Салтыков прибегал к его содействию. Случилось, что в 1733 году он прогневал матушку-царицу пьянством и непомерным даже по тем временам взяточничеством, и тогда он обратился к временщику с просьбой о заступничестве: «…а что на меня вредя доносят, будто бы изо взятку идут дела продолжительно и волочат, и то истинно, государь, напрасно». Би-

рон заступился, и через две недели Салтыков поручил сыну: «…отнеси к ее сиятельству (Бенигне Бирон. – *А. К.*) два меха и горностаи и при том скажи: приказал батюшка вашей светлости донесть, чтоб оныя носили на здоровье».

Любимая Петрова дщерь Елизавета, провозгласившая себя наследницей его преобразований, забирала себе казенные доходы и, когда у нее просили денег на нужды государства, отвечала: «Ищите денег где хотите, а отложенные наши». Ее фавориты делали со страной, что хотели и, обогащаясь сами, привели финансы в полное расстройство. Губернаторы и воеводы, и их чиновники не получали жалованья и кормились взятками. Суды использовали законы только на пользу сильнейшему и богатейшему. При крайней жестокости законов правосудие заботилось лишь об интересах платившего дороже. Генерал-прокурора Сената Глебова даже при дворе считали плутом и мошенником.

Западные державы соперничали друг с другом, используя корыстолюбие российских вельмож, чтобы направить внешнюю политику восточного колосса в нужное им русло. Датский королевский двор периодически делал ценные подарки «жадному к интересу», как писал о нем Державин, временщику Елизаветы графу Петру Шувалову. Канцлер империи граф Алексей Бестужев-Рюмин при окладе 7 тысяч рублей в год получал еще «пенсион» от британского правительства – 12 тысяч рублей и требовал от него прибавки. Его постоянный соперник при дворе за влияние на Елизавету, граф

Иоганн-Герман Лесток получал ежегодную пенсию в размере 15 тысяч ливров от главного врага Англии – французского двора. О чьих интересах прежде всего беспокоились эти государственные мужи?

Положение сложилось нетерпимое, и умная Екатерина II уже через месяц после восхождения на престол издала указ о борьбе со взяточничеством (июль 1762 г.). В нем говорилось, что нет не пораженного язвой лихоимства правительственного учреждения, и в торжище превратились суды: «… ищет ли кто места – платит, защищается ли кто от клеветы – обороняется деньгами, клевещет ли на кого кто – все происки свои хитрые подкрепляет дарами». Царским гневом грозила Екатерина неправедным судьям.

Но ничто не помогло, и годы спустя императрица признала свое бессилие – правосудие по-прежнему продавалось плативщему дороже. Одному из своих придворных она даже подарила вязаный кошелек, чтобы ему было куда складывать взятки. Губернаторов она предпочитала не менять: старые уже награбили, а вновь назначенный начнет грабить сызнова. При дворе не скрывалось, что воинские командиры кормили солдат за счет населения, а казенные деньги, отпускаемые на их содержание, клали себе в карман. При годовом жалованье 700–800 рублей доход командира полка достигал 15–20 тысяч. Президенту Военной коллегии, ходатайствовавшему перед Екатериной за неимущего офицера, она ответила: «Если он беден – это его вина, он долгое время командовал

полком».

Петр установил, что, прежде чем получить офицерский чин, дворянин должен прослужить солдатом. Те, кто не имел знатных покровителей или не мог дать кому следует взятку, так и начинали службу. Весь положенный срок рядовым солдатом прослужил Г. Р. Державин. Зато те, кто мог дать взятку или имел влиятельного покровителя, записывали в полк младенца, он числился на службе, в отпуске, но выслуга лет ему шла и присваивались чины. «Матушка, – сообщает герой пушкинской «Капитанской дочки» Гринев, – была еще мной брюхата, как я уже был записан в Семеновский полк сержантом по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника… Я считался в отпуску до окончания наук».

Со времен Петра пастыри превратились в государственных служащих, но только по духовному ведомству. Все пороки чиновничества были, естественно, присущи и священнослужителям. Бытописатель Андрей Болотов оставил потомкам свидетельство о мздоимстве в Тамбовской епархии: «Всему была положена цена и установление. Желающий быть попом должен был непременно принесть архиерею десять голов сахару, кусок какой-либо парчи и кой-чего другого, например гданьской водки». Архиерей узнал, что в местечке Раненбурге поп богат и имеет до трехсот ульев, он велел притащить его к себе и бить плетьми, покуда не вымучил из него 500 рублей.

Фавориту императрицы графу Григорию Орлову пожало-

вался приехавший из провинции в столицу губернатор: его, дескать, без конца обвиняют во взятках. А это не по закону, никто его в том не уличил. Граф похлопал чиновника по плечу: «Что, мой друг, закон! Меня тоже в этом обвиняли, но что любопытно – как только я перестал брать, так и обвинять прекратили».

Екатерина II щедро одаривала за счет казны придворных, и прежде всего, разумеется, своих фаворитов. Братьям Орловым она подарила 45 тысяч крепостных крестьян, Григорию Потемкину (как полагают многие историки, своему тайному мужу) – 37 тысяч душ крепостных (учитывались только мужчины) и 9 миллионов рублей. В 1776 году она подарила ему Аничков дворец. Потемкин продал его откупщику Шемякину, казна выкупила, и императрица снова подарила его князю Потемкину-Таврическому.

Особенно щедра была постаревшая Екатерина к своему последнему фавориту – Платону Зубову. Он был моложе своей царственной любовницы на 38 лет и использовал это немаловажное обстоятельство, чтобы выжать из императрицы все, что можно и нельзя. Не имевший никаких достоинств, в отличие от Потемкина, кроме физических, не обладавший задатками государственного деятеля, не способный ни к чему иному, как быть любовником, он из поручиков конной гвардии быстро производится в высшие чины, становится генерал-фельдцейхмейстером, к нему после смерти Потемкина переходят его должности новороссийского гене-

рал-губернатора, начальника черноморского флота: ему жалуются громадные поместья с десятками тысяч крепостных (два уезда), он возводится сначала в графское, а затем и княжеское достоинство, награждается всеми российскими орденами. Его братья и отец стали графами, и своего отца – провинциального вице-губернатора фаворит сделал обер-прокурором Сената. Сенаторов трудно было удивить взяточничеством, но граф Александр Зубов прославился на этом поприще. Он принуждал уступать ему старые тяжебные дела и затем добивался их решения в свою пользу, сам участвуя в вынесении этих решений.

В 1781 году после ревизии Белгородской губернии, открывшей картину повального взяточничества, императрица издала указ, в котором признала бесплодность своего «материнского увещевания», так как «обнаружилось, что и теперь нашлись такие, которые мздоимствовали в утеснение многих и в нарушение нашего интереса».

Француз Шарль Массон, состоявший на русской службе и бывший адъютантом президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала князя Николая Салтыкова, оставил «Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I», где так описал обстановку последних лет правления императрицы:

«Все пружины управления были испорчены: любой генерал, губернатор, начальник департамента сделался в своей сфере деспотом. Чины, правосудие, безнаказанность прода-

вались с публичного торга. Около двадцати олигархов под покровительством фаворита разделили Россию, грабили или позволяли грабить казну и состязались в обирании несчастных. Можно было наблюдать, как самые ничтожные из их слуг и даже их рабы в короткое время достигали значительных должностей и богатств. Кто получал триста или четыреста рублей жалованья и не имел иной возможности увеличить его, кроме как злоупотребляя своим положением, строил вокруг императорского дворца дома стоимостью пятьдесят тысяч экю… Всякий, через чьи руки проходила некоторая сумма казенных денег для выполнения какого-либо поручения, нагло удерживал из нее половину, а потом делал представления, чтобы получить больше, – под тем предлогом, что сумма была недостаточна… Воры покрупнее потворствовали грабежу мелких воришек и были в нем соучастниками. Министр почти в точности знал, сколько приносила его секретарю каждая из его подписей, а полковник не стеснялся делить с генералом прибыли, которые он наживал на солдатах. Начиная с главного фаворита и кончая последним чиновником, все смотрели на государственное достояние, как на легкую добычу».

Возлюбленная Павла I, камер-фрейлина его супруги – императрицы Марии Федоровны Екатерина Нелидова выпросила у императора 2000 крестьянских душ для герцога Шуазен-Гофье за то, что он сочинил в ее честь стихи и сделал рисунки. По подсчетам князя Александра Васильчикова в

XVIII веке императоры и императрицы пожаловали в награду фаворитам, генералам и придворным 1 миллион 800 тысяч душ, только просвещенная Екатерина раздала их 800 тысяч.

Гоголевская русь

Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены, чтобы быть бесчестными.
Н. В. Гоголь

С воцарением Александра I Россия вошла в новое время. Воспитанник приверженца республиканских взглядов швейцарца Лагарпа Александр был полон либеральных идей и надеялся преобразовать отечество и избавить его от взяточничества и воровства. Намерения остались благими. Не сумев практически ничего реализовать, царь вскоре окончательно от них отказался. Кажется не случайным, что именно в царствование Александра родился гениальный писатель Николай Васильевич Гоголь. Он нарисовал такую картину российской жизни и так глубоко проник в суть русской души, что и по сей день сохраняется убеждение, что мы живем в той самой стране, которая описана в «Мертвых душах», и каждодневно сталкиваемся с теми чиновниками, которых мы увидели в «Ревизоре». Поэтому с полным правом мы можем исторический период, начавшийся в царствование Александра и завершившийся в 1917 году, называть гоголевским. Мир Гоголя – это вся Русь.

Еще при жизни императрицы Екатерины II ее внук вели-

кий князь Александр писал своему другу, послу в Константинополе графу Виктору Кочубею: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон…» Взойдя на российский престол, через сорок лет после первой попытки Екатерины искоренить взятки, он повторил ее инициативу. В новом указе «Об искоренении лихоимцев» Александр I констатирует, что «пагубное лихоимство или взятки не только существуют, но даже распространяются между теми самыми, которые ими должны гнушаться и пресекать…»

Молодой царь высказал твердое намерение «оное истребить в самом корне». Но реальных возможностей для истребления корней «оного» не было и быть не могло. Большая часть служилого дворянства была «расположена искать в распоряжениях правительства лишь собственную выгоду, которая часто заключается в мошеннических проделках». Об этом в том же 1802 году сказал граф Павел Строганов на заседании Негласного комитета, куда входили друзья-соратники мечтавшего о реформах императора.

Для подавляющего большинства российского чиновничества казнокрадство и мздоимство были стилем жизни. Они не представляли себе, что можно жить иначе. В губерниях и уездах от всевластных чиновников всецело зависело решение любого вопроса и продвижение или, наоборот, торможение нужной просителю бумаги. Чиновники были единственными толкователями и исполнителями законов. Радикальным средством истолковать закон в свою пользу для жалоб-

щика и просителя оставалась взятка. Думаю, что если бы Карамзина попросили одним словом охарактеризовать главное занятие российского чиновничества, он бы ответил: взяточничество. В этом своем мнении опираюсь на коллективный портрет чиновного люда, данный Пушкиным:

…крючковатый
Подьяческий народ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплот.

Опальный реформатор Михаил Сперанский в 1819 году был назначен генерал-губернатором Сибири. Не растерявший еще надежд «оное истребить», он сотнями увольнял старых плутов и на их место набирал новых. Ретивый администратор нагнал такой ужас на земскую полицию, что мужики брали «взятки наоборот» – деньги с чиновников за то, чтобы не ходить с челобитьем. Года через три все вошло в прежнюю колею, и новые чиновники стали наживаться не хуже прежних.

Время Николая I – это господство бюрократии, канцелярщины и бумаготворчества. Сотни тысяч бумаг ежегодно отправляли центральные учреждения для исполнения на местах. В губерниях даже не успевали их осмыслить, все сводилось лишь к переписке и внешнему оформлению. Бумагу не исполняли, ее, как тогда говорили, «очищали». В 1842 году министр юстиции представил государю отчет, в котором

значилось, что по его ведомству по всей империи не очищено еще 3 миллиона 300 тысяч дел, изложенных по меньшей мере на 33 миллионах листов. Канцелярский порядок обеспечивали средние и даже низшие чиновники. Они были движителями сложного канцелярско-бюрократического механизма и двигали его в собственных, сугубо корыстных интересах. Герцен писал из Вятки, где он служил в губернской канцелярии, что без взятки «не обходилось ни одно дело, не могла быть ни принята, ни исполнена ни одна бумага, не разрешался ни один гражданский или уголовный процесс. Взятками же откупались обыватели от наказаний не только за содеянные, но и несодеянные преступления».

В те годы в Московском департаменте Сената пятнадцать секретарей, не считая писцов, вели громадное дело об одном откупщике. Дело разрослось и только его «экстракт» для доклада составил 15 тысяч листов. Было велено все бумаги препроводить в Петербург. Несколько десятков подвод с бумагами отправились в столицу. Но в пути исчезли. Пропали подводы, бумаги и извозчики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.